

На следующий день солнце было особенно пленительным.

В Юэчжуне, что был с двух сторон окружён высокими горами, на рассвете стали раздаваться весёлые трели разных птиц, пробуждая хорошо выспавшихся людей.

Лёгкий ветерок путался в ярких лучах восходящего солнца и скользил по пропитанной росой листве, захватывая с собой малую толику влажного бодрящего воздуха.

Вероятно, единственным проснувшимся с тёмными кругами под глазами был прославленный на весь мир своей мудростью и находчивостью князь Мин.

Резиденция главнокомандующего, служившая временной остановкой на отдых, была далеко не пышным дворцом Силэй. За деревянной ширмой стояла большая кровать с расстеленным матерчатым тюфяком, на котором было два вдавленных углубления, что остались от разгорячённых тел. Фэн Мин, обхватив руками колени, спиной опирался на изголовье кровати и бросал гневные взгляды уже довольно длительное время.

Он яростно смотрел, конечно же, на наслаждавшегося всю ночь похотью, а сейчас находящегося в приятном настроении и бодрого Жун Тяня.

Что же касается причины бедствия — презерватива из бараньих кишок, то юноша уже давно ненавидел его до глубины души.

— Фэн Мин, послушай, — внезапно с лёгкой улыбкой сказал Жун Тянь.

— Что послушать? — принимая во внимание крохотный вход, распухший до красноты от частого вторжения, Фэн Мин разговаривал, естественно, несколько грубо.

— Моё сердце бьётся всё быстрее и быстрее.

— Превосходно, и от чего оно бьётся всё быстрее и быстрее? Нечистая совесть покоя не даёт? Пф!

Улыбка на губах мужчины стала ещё шире.

Эта улыбка, казалось, делала его брови длиннее, а глаза, которые смотрели с мягкой утончённостью, красивее.

— Конечно же, это из-за тебя, поскольку я был пленён твоим неподвижным взглядом.

— Жун Тянь! — прокричал Фэн Мин, потеряв всякое терпение. — Я смотрю на тебя, выражая

возмущение, а не соблазняя!

Жун Тянь расхохотался. Пока юноша сжимал кулаки, мужчина воспользовался случаем и, быстро наклонившись вперёд, неожиданно поцеловал Фэн Мина в губы:

— Разве прошлой ночью ты не получил удовольствие?

— Где уж там?

— Ну конечно, а кто в моих объятиях непрерывно плакал от возбуждения?

Вспомнив последние события, красивый Фэн Мин резко покраснел. Однако...

— Я с самого начала сопротивлялся! — Под воодушевлённым взглядом Жун Тяня голос протеста постепенно понизился.

Мужчина поглаживал большой ладонью милую ключицу князя:

— Вчера ночью действительно было слишком?

Фэн Мин опустил голову и в нерешительности прошептал:

— В следующий раз не надо слишком... слишком жёстко.

Если он ещё несколько раз переживёт такой жар и трепет до потери сознания, то не исключена возможность, что он может внезапно умереть в кровати.

Раньше он предполагал, что Жун Тянь в постели был искусным любовником, только он никак не думал, что мужчина ещё может улучшить свои навыки. К счастью, этот император Силэй не являлся современным человеком и мало что знал про садомазохизм[1] и секс-игрушки, иначе юноша каждый вечер умирал бы по десять раз в восемь караулов[2].

Жун Тянь вновь рассмеялся.

Он, позволив юноше слегка опереться на свою гладкую и широкую грудь, смотрел на великолепный солнечный свет за окном и, мягко сжав юношу, опустил голову:

— Надо вставать, я помогу тебе надеть платье. Хорошо?

— Ни за что! — Фэн Мин сел прямо, отстраняясь от давящего плеча мужчины, и состроил

гримасу: — Я не могу с лёгкостью тебе поверить.

Жун Тянь, следуя за ним, сам спрыгнул с постели, взял одежду и надел белые нижние штаны, только затем громко проговорил:

— Войдите.

Дверь, скрипнув, открылась.

Ослепительный солнечный свет и свежий воздух влетели вслед за открывающейся дверью, радостно резвясь. Ожидавшие, когда их позовут, Цю Юэ и Цю Син вошли, подавая горячую воду и махровое полотенце:

— Князь Мин уже проснулся? Не спешите вставать с постели, сначала умойтесь. Цю Лань, взяв другой таз с горячей водой, подбежала к Жун Тяню, помогая ему умыться и поменять платье. С глухим стуком в комнату вбежал Ле-эр и, присоединяясь к общему веселью, рассмеялся:

— Ты давно не помогала государю переодеваться, сегодня я тоже пришёл помочь Его Величеству. — И, встав с другой стороны, он вместе с Цю Лань помогал Жун Тяню надевать по очереди каждую вещь.

Вскоре они закончили, и Цзы Янь с товарищами тоже подошли поприветствовать государя.

Фэн Мин, обеспокоенный делом Ле Чжунлю, спросил:

— Как сейчас Ле Чжунлю и его жена?

— Он такой развратный человек, я всё же считал, что он ещё не женат, но кто бы мог подумать, что у него такая красивая жена. — Цзы Янь, вспомнив синий нос и опухшее лицо Ле Чжунлю, не смог сдержаться и рассмеялся. — Вэй Цюнян сейчас взята под стражу в доме согласно приказу государя, чтобы не было никаких трудностей. Ле Чжунлю боялся, что его жена будет искать смерти, да ещё испугался, что она снова будет бить его, и всю ночь просидел во внутреннем коридоре возле своей комнаты.

— Ага, ещё вытягивал шею, чтобы заглянуть в комнату неизвестно сколько раз, — вставила Цю Юэ.

Цю Лань опустила на колени, чтобы помочь Жун Тяню закрепить пояс с мечом, и, сжав губы, улыбнулась:

— По-моему, этот Ле Чжунлю очень хорошо относится к своей жене.

Ле-эр с возгласом проговорил:

— По-моему, мой старший брат относится к тебе, своей жене, тоже очень неплохо!

Цю Лань достаточно долго прослужила в качестве служанки Фэн Мина, и ей нельзя было палец в рот класть. Подвергшись глумлению со стороны Ле-эра, девушка тотчас же огрызнулась:

— Ну лучше всех, это, конечно, принц Юн И. Я помню, как однажды он увёл тебя на целый час, а когда вы вернулись, то ты даже на лошадь не мог вскарабкаться.

Толпа остолбенела, но, сразу всё поняв, захохотала.

Цзы Янь, немного посмеявшись вместе с ними, обратился к императору Силэй, запрашивая указания:

— Ваш подчинённый подсчитал и, основываясь на перечне, изъятом у командиров и рядовых солдат Юэчжун, ни один человек не сбежал. Таким образом, до императора Юньинь за столь короткое время не дойдёт новость о том, что здесь произошло. С остальными людьми легко справились и, как водится, взяли их под стражу как военнопленных. Только какие будут распоряжения насчёт Вэй Цюнян, супруги Ле Чжунлю?

Жун Тянь спросил:

— Она сейчас в комнате Ле Чжунлю?

— Да.

Жун Тянь со смехом сказал:

— Тогда мы сначала пойдём и познакомимся с этой очаровательной женщиной-генералом.

Возглавляя толпу, мужчина спокойно вышел из комнаты.

Вскоре они дошли до покоев Ле Чжунлю, из которых немного была видна крытая галерея и можно было заметить охраняющих снаружи стражников, подсланных Жун Тянем. По их словам, Ле Чжунлю, всю ночь находящийся за дверью, исчез бесследно.

Охранники, увидев Жун Тяня, собирались поприветствовать его, но мужчина слегка махнул рукой, останавливая их. Он приказал Цю Син и другим слугам не следовать за ними, лишь взял с собой Фэн Мина, подошёл к окну и незаметно заглянул внутрь.

— Больше не о чем говорить, — холодный голос Вэй Цюнян вырвался наружу. — Ты предал меня, предал Юэчжун, предал Юньинь. Я всем сердцем ненавижу отца, что неожиданно выдал меня за такую негодную дрянь, как ты!

Она сидела на краю кровати, её руки были связаны за спиной пиньковой верёвкой, и она уже не была способна вновь жестоко избить Ле Чжунлю.

Жун Тянь и Фэн Мин в душе всё поняли и подумали: «Ничего удивительного, что Ле Чжунлю осмелился ворваться, оказывается, тигрица[3] связана».

Лицо Ле Чжунлю, находящееся всю ночь под припарками, по-прежнему было ужасно опухшим, на лбу и подбородке были видны следы от кулаков, и красивый мужчина сейчас выглядел очень смешно.

Он попытался приблизиться к невозмутимой Вэй Цюнян и со смехом сказал:

— Жена, тебе не стоит злиться...

— Как я могу не злиться? — яростно забранилась Вэй Цюнян, заставив Ле Чжунлю, который хотел тихо приблизиться, отступить на шаг.

— Хорошо-хорошо, нравится злиться, смело злись. Только не нужно изводить себя...

Вэй Цюнян к его заискиваниям осталась равнодушной, её изящное и очаровательное лицо было холодным, а сама женщина пренебрежительно сказала:

— Ле Чжунлю, ты мало даришь мне счастья, сейчас ещё бы раз взять и ударить тебя, или выгнать из дома, тогда, может, я умерю свою злость. Ты предал государство! В этой жизни даже не думай, что я прощу тебя! Уйди! Ещё раз приблизишься ко мне хоть на шаг, и я убью тебя!

— Жена, дай я скажу.

— Я не слушаю! Я больше не хочу слышать о каких-то планах, основывающих государства...

— Лу Дань умер.

Воздух в комнате внезапно застыл.

На голову как раз разгневанной Вэй Цюнян словно вылили таз холодной воды, сама женщина остолбенела, и спустя очень долгое время слабым голосом проговорила:

— Что ты только что сказал?

— Лу Дань умер. — Насмешливое выражение пропало с лица Ле Чжунлю, а глаза стали слегка серьёзными. — Эта новость уже постепенно облетает все одиннадцать государств, и скоро даже такие маленькие страны, как Юэчжун, узнают об этом. Умер, что ж, какой смысл жить с такими страданиями? Тебе нельзя слишком горевать.

Женщина лишь бранилась на Ле Чжунлю без всякого снисхождения, в это же время бормоча: «Тебе нельзя слишком горевать», однако в её словах чувствовалось много любви.

Находящиеся за окном Фэн Мин и Жун Тянь взаимно обменялись выразительными взглядами. По-видимому, у этих супругов было много общего с Лу Данем.

Они должны быть родом из Юньинь, какое они имели отношение к советнику Дунфань?

Услышав слова жены, Ле Чжунлю сказал:

— После того как узнал новости о его смерти, я помимо своей воли вспомнил его слова, что он когда-то говорил мне. Цюнян, это был день нашей свадьбы, Лу Дань ночью тайно приехал поздравить нас, и мы вели ночной разговор. Ты ещё помнишь, что он тогда сказал?

Неизвестно, вспомнила ли Вэй Цюнян какую-то пакость своего мужа, но она не захотела отвечать, молча сжала губы и отвела взгляд в другую сторону, опустив глаза.

Ле Чжунлю на самом деле не ждал, что она что-то скажет, и низким голосом произнёс, вспоминая:

— Он говорил, что одиннадцать стран более ста лет ведут распри, и теперь же объединение мира стало общим делом, никому невозможно это остановить. Рано или поздно Дунфань будет стёрто с лица земли, словно старец, который, увидев приближающуюся издали стрелу, прекрасно знает, что сам будет поражён ею, однако не увернётся. Конечно, это своего рода мучительное и бесконечное отчаяние. С того момента, когда он решил остаться рядом с императором Дунфань, он уже предвидел отчаянный исход, от которого не смог уйти.

На лице Ле Чжунлю была всепроникающая безудержная распушенность, которая исчезла, словно смытая ливнем, не оставив и следа, вместо этого выражения появилось другое, непонятное для посторонних, хмурое и полное страданий.

— По слухам, он, стоя на краю могилы, советовал императору Дунфань отдать страну Жун Тяню. Лу Дань, Лу Дань, лишь ты был самым мудрым, самым смелым и расчётливым. К сожалению, Небеса так несправедливо обошлись с тобой.

Вэй Цюнян не издала ни звука.

Двое в комнате очень долго молчали. Вдруг женщина открыла рот:

— Даже если его слова верны, Поднебесную рано или поздно объединят. Тогда каким образом? Неужели все должны следовать его поступку и преподнести все страны Жун Тяню? К тому же, возможно, они подарят их императору Ли Жо Яню? Если более могущественное государство обратит внимание на другие страны, тогда они, цепляясь за жизнь и боясь смерти, встанут на колени и капитулируют. Какой смысл тогда жить? Юньинь является моей родиной, и я ни за что не позволю другим государствам угрожать ему. Если Жун Тянь захочет присвоить его, я тотчас же возьму меч и направлю на Жун Тяня; если Жо Янь осмелится бросать жадные взгляды, мой меч сразу же поднимется на Жо Яня. Даже если я лишусь жизни, я не пожалею об этом. — Услышав о смерти Лу Даня, женщина слегка изменилась в лице, убрав гневное выражение, однако эти медленно сказанные слова были произнесены удивительно ясно, в них слышались решительность, непоколебимость и твёрдость.

Ле Чжунлю ахнул, поднял подол и сделал шаг вперёд, словно желая сесть рядом с Вэй Цюнян.

Однако она внезапно обернулась и, пристально поглядев на него, проговорила:

— Ты осмелишься подойти? — Взгляд прекрасных глаз стал угрожающим.

Свирепый пристальный взгляд благодаря Лу Даню отчасти смягчился, как и хмурая атмосфера, которая сдавливала горло.

Мужчина был вынужден остановиться и, разведя руки, произнёс:

— Не подойду. Я лишь хочу задать тебе вопрос.

Вэй Цюнян отвернулась и заворчала:

— Тебе не нужно использовать эти красивые фразы, чтобы вызвать мой интерес. Ты тайно связался с враждебной страной, покорно отдал Жун Тяню Юэчжун и думаешь, что, сказав пару слов, сможешь одурачить меня?

Услышав это, подслушивающие снаружи Фэн Мин и Жун Тянь кое-что поняли.

Разумеется, эти супруги, вероятно, уже давно спорили насчёт сложившейся в мире ситуации, принимая или отказываясь от неё.

Ле Чжунлю считал, что лучше всего как можно скорее объединить страну для единства всех народов: ты не ударишь меня, и я тебя не ударю.

Вэй Цюнян, конечно же, во что бы то ни стало хотела сохранить независимым Юньинь и могла

очень долго стоять на своём. Неудивительно, что она пустила ту стрелу без колебаний, потому что Жун Тянь в самом деле мог через несколько дней позволить стране Юнъинь кануть в вечность.

Вероятно, Ле Чжунлю был красноречивым человеком и каждый раз даже был способен спорить с женой, поэтому постоянно злившаяся от смущения Вэй Цюнян выгоняла его из дома.

Но сейчас мужчина, невзирая на то, хотела ли женщина его слушать или нет, задал свой вопрос:

— Ради кого жена днём и ночью охраняет этот городок Юэчжун?

Как будто решив, что не подвергнется его надувательству, Вэй Цюнян закусила нижнюю губу и отвернулась в другую сторону.

Ле Чжунлю вновь спросил:

— Это ради государя? Ах, государь уже достиг старости, и кто знает, может, в будущем году он уступит место новому наследному принцу. Значит, это всё ради Юн Цюаня, нахала, когда-то пристававшего к тебе?

— Замолчи! — не сдержавшись, крикнула Вэй Цюнян. — Как ни верти, а ты одурачил стражу, открыл городские ворота и позволил Жун Тяню ворваться в Юэчжун, предав родину!

— Я предал родину! Ну и что? — внезапно гневно закричал мужчина, сотрясая лежащую на кровле пыль.

Под ударом оказалась не только Вэй Цюнян, но даже у подслушивающего за окном Фэн Мина в ушах загудело.

Бесконечно послушный Ле Чжунлю напустил на себя грозный вид.

Как только мужчина придал себе внушительный вид, он изменился в лице. Окинув взглядом жену, Ле Чжунлю смягчился и в приподнятом настроении начал говорить, словно из его уст река растеклась[4]:

— Юнъинь — маленькая страна, которая сто лет, находясь между великими державами, тянула время до своего последнего вздоха. Ради защиты этого, так называемого царствующего дома Юнъинь, каждый год забирают немало молодых людей на военную службу. Юноши покидают родные места и близких, их отсылают за тысячу ли в захолустные города на границе страны, где они живут, стареют и умирают. Эти люди изначально могли жить лучше: жениться, завести детей, возделывать собственную землю, чтить стариков-родителей, весной засеивать поля, осенью собирать урожай, зимой сидеть с друзьями возле печки, однако ради этого,

лишенного всяких достоинств городка, они оставляют здесь солдат. Их жизнь здесь никчёмная, а смерть ещё хуже!

— Все они защищают свою родину...

— Замолчи! — Ле Чжунлю помрачнел. — Что значит «защищают родину»? Они защищают царствующий дом Юньинь, который выпил много крови и съел множество человеческой плоти. Несмотря на то, кому её присваивают, вся земля Юньинь будет такого же цвета, как и сейчас. Оман навсегда останется большой рекой, но чем больше государство, тем больше людей. В день, когда все страны объединятся, став великим и могучим государством, множество людей станут жить свободно и той жизнью, какой захотят. А не будут сборищем свиней, которых отобрало государство и из года в год заставляет стоять на посту, охранять, трястись и идти на гибель.

Вэй Цюнян, находясь наедине с Ле Чжунлю, очень редко подвергалась его нападкам, не говоря уже о том, чтобы терпеть брань. Женщина немного опешила и, гневно подняв голову, проговорила:

— По какой причине ты так озлобился? Объединение мира, объединение мира... Несколько лет, проведённых с Лу Данем в заточении в небесно-земном дворце, тебе затуманили голову. Когда настанет объединение мира, Юньинь будет присвоен, а мы все станем утратившими родину людьми. Мы будем пресмыкаться и докатимся до слуг и рабов. Тогда ты успокоишься? Пф, станем жить свободно и той жизнью, какой захотим.

Ле Чжунлю слушал, как она спорила сама с собой, и вместо того, чтобы разозлиться, он рассмеялся, искривив рот, внезапно исчез тот гнев, который только что охватывал душу. Мужчина с улыбкой потёр ладони:

— Если бы твоя стрела попала точно в цель, то Жун Тянь был бы убит. Не пройдёт и двадцати лет, как все мировые государства одно за другим будут поглощены страной Ли, тогда положение сразу может стать таким, каким ты предположила. Жо Янь, этот тиран, всегда выступал как законный победитель. Если он станет править Поднебесной, то непременно будет считать весь народ Ли высшим сортом, а после с течением времени к другим, потерявшим свои страны людям, будет относиться как к низшему сословию, которое можно будет как угодно попирать.

— Тьфу, неужели Жун Тянь порядочный?

— Напротив, Жун Тянь тоже непорядочный. Если только подумать, то, чтобы справиться с Лу Данем, он сделал так, что столицу Дунфань охватила чума, тогда сразу понимаешь: этот человек вовсе не является хорошим и честным.

Жун Тянь, чтобы спасти Фэн Мина из императорского дворца Дунфань, воспользовался теми знаниями об оспе, что рассказывал ему юноша, и нанёс стране вред, парализуя её и большую часть военной силы. В конце концов Дунфань попало к нему в мешок.

Любой другой человек не догадался бы, что распространение чумы и Жун Тянь как-то связаны между собой, но потрясающий Ле Чжунлю, лишь услышав новости, разумеется, смог, войдя в курс дела, изучить сложившуюся ситуацию.

Фэн Мин, слушая мужчину, неожиданно вцепился мёртвой хваткой в «непорядочного» Жун Тяня и, повернув голову, посмотрел на него.

Мужчина же, подняв палец, лёгким жестом дал знак, чтобы юноша слушал дальше.

— Раз уж ты знаешь, что он непорядочный человек, зачем тогда открыл ворота и впустил его сюда? Хорошо, я больше не буду вновь приставать к тебе. Если ты осознаешь свою ошибку и, вполне возможно, захочешь искупить свою вину, тогда найди удобный случай и убей его. По крайней мере, ради нашего Юньинь искорени смертельную опасность.

— Жун Тянь непорядочный, — Ле Чжунлю сменил тему разговора, затем странно рассмеялся: — Однако у него есть две ценные вещицы. — И с естественным видом вытянул два пальца.

Вэй Цюнян понимала: он дразнит её, ожидая, что она задаст вопрос. Но женщина вновь холодно фыркнула, отказываясь говорить.

Заметив, что его жена не попала на крючок, Ле Чжунлю, больше не интригуя, проговорил:

— Первое сокровище — глупый князь Мин. Почему он сокровище, двумя словами и не скажешь, в будущем я тебе более подробно расскажу о нём.

Услышав это, Фэн Мину стало смешно и любопытно.

Раз уж Ле Чжунлю сказал, что он глупый, а затем, что он является сокровищем, неужели из-за своей глупости его приравняли к чему-то ценному?

Этот человек знал юношу пару дней, когда мужчина обращался к нему, его тон был необычайно уверенным.

Однако что это за вторая ценная вещица, которая была у Жун Тяня?

Неужели это Ле-эр? Или Жун Ху или Цзы Янь?

Не может быть, чтобы это был кто-то из Цю Юэ, Цю Син и Цю Лань?

— О втором сокровище, собственно говоря, ты через несколько дней, возможно, сама узнаешь, поскольку Жун Тянь уже приказал тихо распространить его повсюду. Это указ о «Равной

милости». Жун Тянь хоть и непорядочный человек, однако действительно дальновидный, ведь сила такого маленького императорского указа вполне сравнима с войском могущественного государства. Только с этой точки зрения Жо Янь не идёт ни в какое сравнение с Жун Тянем.

Фэн Мин изумился.

Кто бы мог подумать, что этот тип, Ле Чжунлю, неожиданно придал такое огромное значение указу о «Равной милости».

Подслушивающий за окном Жун Тянь всё время растягивал губы в улыбке вплоть до этого момента. Внезапно его лицо сильно изменилось, он поднялся на ноги и потащил за собой Фэн Мина, толкнул дверь, сразу входя в комнату. Взглянув на сидящую на кровати Вэй Цюнян, мужчина перевёл взгляд на стоявшего в стороне Ле Чжунлю. К удивлению всех Жун Тянь поклонился и, выпрямившись, с великодушием проговорил:

— Стыдно, что в былые дни Жун Тянь пренебрежительно относился к господину, теперь же хочу пожаловать титул министра Силэй и попросить господина оказать мне поддержку[5]. — В глазах мужчины, который смотрел прямо на Ле Чжунлю, промелькнул таинственный блеск.

Подслушивающие за окном император Силэй и князь Мин приказали остальным слугам отойти на чжан[6] и смиренно ждать. Стоящий в стороне Ле-эр, как и остальные, ожидал с нетерпением, но, увидев, что Жун Тянь внезапно поднялся и толкнул дверь, входя внутрь, всё же предположил, что дело крайне важное. Слуги по одному проследовали в комнату и как раз услышали, как мужчина вырабатывает будущую несравненно важную стратегию для Силэй, отчего все застыли на месте, не понимая, что хорошего сделал Ле Чжунлю, неожиданно заставив государя так взволноваться.

Ле Чжунлю, убеждавший свою супругу, которую «предал», не ожидал, что кто-то будет подслушивать, и тут же оторопел.

Его острый ум был ничуть не хуже, чем у Лу Даня. Пребывая в изумлении, мужчина уже понял, что Фэн Мин и Жун Тянь всё это время подслушивали, и, изменив выражение лица, с холодной усмешкой сказал:

— Министр Силэй хоть и звучит внушительно, тем не менее трудная и напряжённая работа. У меня нет свободного времени, прошу императора Силэй найти другого выдающегося человека.
— И мужчина повернулся спиной.

Жун Тянь всегда потрясал весь мир, не было никого, кто бы не дрожал от императорского указа. Редко когда мужчина был таким вежливым и тактичным, напрямую преподнося титул министра, вдобавок стремясь придать себе значимость. Никто не мог догадаться, что Ле Чжунлю неожиданно ещё сумеет продемонстрировать зловонный гонор.

Ле-эр немедленно разозлился и громко заскрежетал зубами.

В его глазах император Силэй относился с уважением к мудрецам и милостиво к просто образованным людям[7]. Даже самый высокомерный человек в мире должен прыгать от счастья[8] и тотчас же опускаться на колени, шумно одобряя распространяющуюся повсюду «Равную милость».

— Господин Ле, — Фэн Мин, который вместе с Жун Тянем являлся единственным, кто подслушивал разговор супругов, чуть-чуть понимал, о чём думает император Силэй, и с присущими ему манерами искренне спросил: — Раз уж Вы одобрили скорейшее объединение мира, тогда также должны понимать, что рано или поздно придётся выбирать одного императора, способного объединить все одиннадцать стран. Жун Тянь является лучшей кандидатурой, почему бы Вам не согласиться? Если есть какие-то условия, то следует их высказать.

Ле Чжунлю задал встречный вопрос:

— Стать хозяином Поднебесной хотят многие наглецы, так почему же Жун Тянь является лучшей кандидатурой?

— Разве господин только что не сказал? Жун Тянь превосходит Жо Яня. — Закончив говорить, Фэн Мин внезапно осознал. Таким образом, это звучало как личное признание того, что они подслушивали.

Увидев его откровенное очарование, Ле Чжунлю невольно растянул губы в улыбке, подумав немного, он спросил юношу:

— Действительно ли князь Мин считает, что Жун Тянь лучшая кандидатура для объединения Поднебесной?

— Конечно.

— То есть князь Мин верит, что Жун Тянь способен объединить Поднебесную?

— Совершенно верно.

— Другими словами, с моей помощью или нет, Поднебесная рано или поздно станет принадлежать Жун Тяню.

— Это...

— Тогда зачем нужен Ле Чжунлю?

Фэн Мин открыл рот, но был не в состоянии повернуть языком[9].

Вот так нашим же копьём ударил по нашему же щиту[10]?

Ле Чжунлю, посмеиваясь, смотрел на сконфуженного юношу; неизвестно, что пришло ему в голову, и мужчина, вновь задумавшись, сказал:

— Так и быть, принимая во внимание дружеское отношение Лу Даня, я дам князю Мину ещё один шанс.

Фэн Мин спешно спросил:

— Что за шанс?

— Конечно же шанс, позволяющий с этого момента командовать Ле Чжунлю. — Мужчина выпрямился во весь рост, и хоть лицо всё ещё было сине-фиолетового оттенка и ужасало, однако взгляд был тёплым и отстраненным. Внезапно, чтобы добавить Фэн Мину немного мужественности, мужчина с лёгкой улыбкой сказал: — Чтобы получить способного человека в своё пользование, прежде всего следует тронуть его талантливое сердце. Хорошо, стоит князю Мину привести довод, который тронул бы меня, и я, Ле Чжунлю, сейчас же отбросив беззаботную лень, позволю князю Мину распоряжаться мной, как тот захочет, и пожертвую своей жизнью ради князя Мина. Ну так что?

Мужчина говорил непринуждённо, однако выдвинутые условия звучали крайне коварно.

Такой человек, как Ле Чжунлю, путешествовал по всем странам, многое повидал и многое познал[11], и по характеру был странным. Кто бы мог за столь короткое время тронуть его сердце, вызывая интерес?

Такая сложная задача, вероятно, даже всемирно известному князю Мину была не по зубам?

Блестящие глаза Цю Лань и остальных слуг с большим сомнением смотрели на Фэн Мина.

Только Жун Тянь улыбался уверенно-холодно, тихо стоя в стороне и ожидая, что же ответит юноша.

А Фэн Мин, в свою очередь, немного растерялся.

Хоть он и был глупым, однако понимал, что так называемый шанс Ле Чжунлю действительно был очень важен.

Какой аргумент мог понравиться Ле Чжунлю, заставляя служить Жун Тяню верой и правдой?

Продолжать прославлять достоинства Жун Тяня? Но он только что сказал, что император Силэй непорядочный человек.

На самом деле Жун Тяню, этому типу, поклонялись тоже отнюдь не все люди Поднебесной.

— Это... — Фэн Мин напрягся и начал чесать затылок. Нахмутив брови, юноша проговорил: — Думаю, довод должен быть не таким простым, по крайней мере дайте мне немного времени.

Как-никак, лучше сначала получить отсрочку и, найдя удобный случай, посоветоваться с Жун Тянем.

И кто знает, может, два умных человека вместе смогут придумать какой-нибудь хороший аргумент.

— Хорошо, тогда я дам Вам немного времени подумать.

Фэн Мин уже собрался сказать «большое спасибо», как Ле Чжунлю вытянул палец и, указывая на стоящую за дверью цветочную подставку в форме полумесяца, проговорил:

— Когда я дойду до этой подставки и вернусь обратно, у князя Мина уже должен быть готов ответ.

— А? Ик, этого времени не слишком ли мало буд...

Не успел юноша договорить, как Ле Чжунлю уже повернулся и сделал первый шаг.

Господи, он не шутил.

Фэн Мин нервно уставился круглыми глазами, мозг стремительно начал соображать, не забывая обратиться к своему хозяину, взывая о помощи: В конце концов, какой есть довод? Быстрее говори.

Слуги, подумав, сразу же стали рваться первыми, спешно высказывая своё мнение:

— Если он поможет государю, то в будущем государь даст народу Юньинь сверх милостивое покровительство.

— Что касается господина, то богатство и почёт будут неизмеримы.

— Жена и дети будут прекрасно жить.

— Этот тип такой кичливый и наверняка беспокоится о репутации. Скажите, что если он поможет государю, тогда добрая слава о нём останется в веках!

Предположение Ле-эра было менее конструктивно, а сам юноша самоуверенно сказал:

— Наш государь рано или поздно подчинит Поднебесную, и если он добровольно не поможет, то гарантирую, что он умрёт очень дурно.

— Беда! Беда! Он повернулся! — Цю Син от напряжения начала комкать носовой платок, что был у неё в руках, словно тот был засоленным в соевом соусе овощем.

Фэн Мин поднял голову и посмотрел: действительно, Ле Чжунлю, уже подойдя к подставке для цветов, развернулся, собираясь вернуться на своё место.

Мамочки! Почему в древности существуют такие раздражающие и импровизационные викторины, а? В конечном счёте ставка — общее положение всей Поднебесной...

Фэн Мин спешно и открыто топнул ногой:

— Жун Тянь, а ты чего воды в рот набрал? Скорей подскажи немного, не видишь, твой министр собирается удрать?!

Жун Тянь, который как только вошёл в комнату, сделал предложение Ле Чжунлю стать министром Силэй, сейчас, оказывается, пребывал в спокойном расположении духа. Увидев пот на лбу Фэн Мина, мужчина с насмешкой сказал:

— Его лишь интересует ответ князя Мина из Силэй. Если ты воспользуешься каким-либо предложением, выдвинутым одним из нас, то совсем не получишь его уважения.

Истина озарила разум[12], сразу уколол до крови[13].

Поднявшийся галдёж внезапно успокоился.

Фэн Мин неожиданно всё осознал.

Верно, сейчас самое время проявить навыки князя Мина! Ведь он в душе решил помочь Жун Тяню, и сейчас наступил решающий момент.

Помочь императору Силэй покорить таких талантливых людей, как Ле Чжунлю, на самом деле основная обязанность князя Мина.

Однако... в голове царил пустота, даже идей не было...

Кто знает, какие мысли были в голове у Ле Чжунлю, такого же умного, как и Лу Дань.

Как говорилось: мысли талантливого человека непонятны простым людям.

У юноши на душе словно обезумевшие кошки безудержно скребли, а взгляд тайком падал на дверь.

Фэн Мин был «обречённым на смерть»[14]. Ле Чжунлю уже дошёл до подставки для цветов и сейчас был на середине комнаты, ему оставалось сделать ещё десять шагов, и скоро он окажется перед ним.

Зачем нужен Ле Чжунлю?

Раз уж Жун Тянь обладает уверенностью, что объединит Поднебесную, тогда зачем ему Ле Чжунлю?

У того не было никакого восхищения и желания преклоняться Жун Тяню, богатство и почести, похоже, он тоже не очень близко принимал к сердцу, мужчина даже не придавал огромного значения своей родине, иначе так легко не предал бы Юэчжун.

Что, в конце концов, его волнует?

Ле Чжунлю уже медленно перешагивал порог комнаты.

Мозговые импульсы Фэн Мина вращались с огромной скоростью, несметное множество нейронов с сумасшествием вырабатывали энергию в мозгу.

Что, в конце концов, волнует Ле Чжунлю? Этот человек и Лу Дань были похожи не только в своей изменчивости и прекрасных манерах, но и в более глубоких аспектах.

Лу Дань...

Лу Дань и Ле Чжунлю одинаковые, они даже не упорствовали существованию и гибели собственной родины.

Лу Дань, стоя на краю могилы, преподнёс Дунфань Жун Тяню, сделав его хозяином и не думая, что в будущем понесёт позорное имя предателя родины.

— Князь Мин. — Матерчатые туфли Ле Чжунлю попали в поле зрения Фэн Мина, который

стоял с опущенной головой. — Время истекло, князь Мин подумал?

Фэн Мин резко вздохнул и медленно поднял голову, его прекрасные чёрные глаза блестели.

— Я подумал.

Напряжённая атмосфера наконец достигла предела.

Примечания:

[1] Основоположниками SM-секса, судя по названию, принято считать французского писателя маркиза де Сада и австрийского прозаика Леопольда фон Захер-Мазоха, ставшего всемирно известным благодаря своей повести «Венера в мехах».

[2] Отсылка к фразе «восемь караулов во дворце государя», т.е. каждый час.

[3] Также обр. о злой, рассвирепевшей женщине.

[4] Обр. в знач.: красноречиво.

[5] В оригинале фраза звучит как «сила одной руки», обр. в знач.: протянуть руку помощи, оказать помощь, помочь, подсобить.

[6] Китайская сажень, равна 3,33 метра.

[7] О царях или высоких вельможах.

[8] В оригинале фраза звучит как «руки пляшут, ноги притоптывают», обр. в знач.: прыгать от радости.

[9] Обр. в знач.: потерять дар речи, онеметь, оцепенеть от испуга, растерянности.

[10] Обр. «поразить врага его же оружием, обратить оружие врага против него самого». По притче об оружейнике, хвалившем остроту своих копий, против которых не устоит любой щит, и прочность своих щитов, способных выдержать удар любого копья.

[11] Обр. в знач.: приобрести большой опыт; обладать широкими познаниями, быть эрудированным.

[12] В оригинале фраза звучит как «чистое учение омыло главу», что значит «прозрение, постижение (буддизма)».

[13] В оригинале фраза звучит как «кровь с первого укола», обр. в знач.: попасть в самую точку, не в бровь, а в глаз.

[14] Обр.: оказаться в трудном положении.